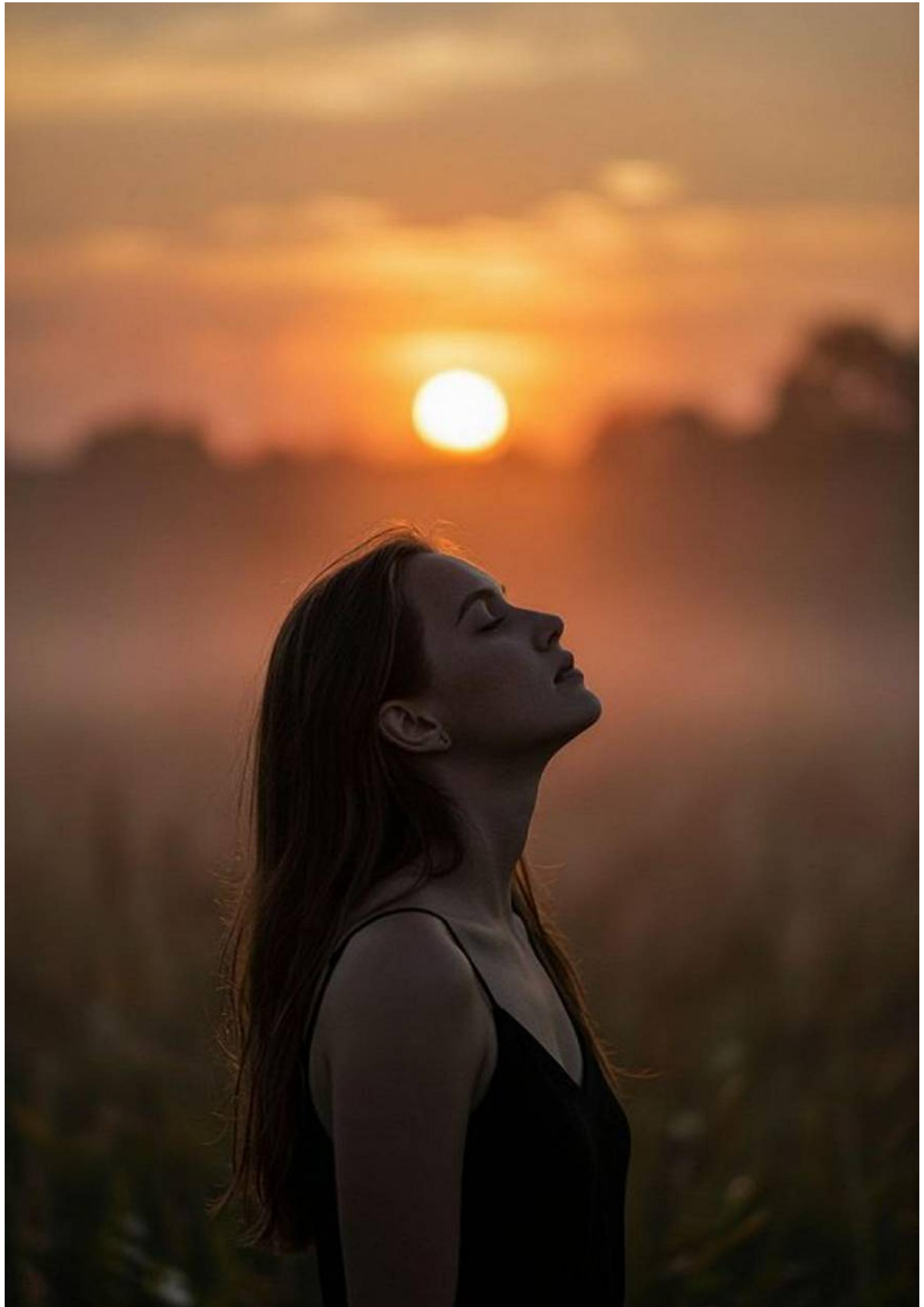

Елена Чистякова

**Рассказы о кошках,
собаках, птицах и других
друзьях сердечных**

«Автор»

2026

Чистякова Е. Н.

Рассказы о кошках, собаках, птицах и других друзьях сердечных /
Е. Н. Чистякова — «Автор», 2026

В моей книге собраны реальные истории. Жизнь животных и людей
рядом друг с другом. Чья любовь искренней, а кто предатель. Не только о
животных, не только о людях. Моя книга это поиск добрых путей, принятия
справедливых решений добрыми людьми по отношению к братьям меньшим.

© Чистякова Е. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рассказ 1	5
Слёток на тёплой меди.	5
(Эпиграф) Вот и лето прошло, Словно и не бывало. На пригреве тепло Только этого мало. Арсений Тарковский	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Елена Чистякова

Рассказы о кошках, собаках, птицах и других друзьях сердечных

Рассказ 1

Слёток на тёплой меди.

**(Эпиграф) Вот и лето прошло, Словно и не бывало. На
пригреве тепло Только этого мало. Арсений Тарковский**

Утро в городе всегда начинается с раскачивающейся суеты, но сентябрьское утро звучит иначе. Это не ленивая летняя истома, а сразу плотный, рабочий ритм. Девять часов. Школьная река уже схлынула, зато забурлил поток взрослых. Все они спешат к метро, уткнувшись в экраны смартфонов, стуча подошвами кроссовок по остывающему за ночь асфальту. Воздух прозрачный и колкий. Ночью температура падала до восьми градусов, земля выстудилась глубоко внутрь, и сейчас, несмотря на обещанные днём двадцать два градуса бабьего лета, от каменных бордюров тянет холодом. Выходя из дома я машинально накинула на палец медное колечко, говорят медь хранит тепло и оно просто симпатичное, подходит под наряд и саму начинающуюся осень. Надела, да и тут же забыла, как про вторую кожу.

Он сидел прямо посреди пешеходного прохода к офисному центру. Для крохи, сидящего на камне, такая ночь могла стать последней. Сойка-пересмешница, по окрасу поняла я. Уже не беспомощный пуховичок, а настоящий подросток-слёток. Сизые перья на спине плотно прилегают к телу, крылья чернобелые, жёсткие, оформленные, каждое маховое перо чётко очерчено утренним светом и теракотовая грудка! Совсем не воробушек, хотя по размеру схож. Но хвост ещё короткий, детский, а вокруг клюва топорщится нелепый светлый пушок. Его стратегия выживания была безупречной для леса и самоубийственной здесь. Инстинкт кричал: «Замри». Он сжался в тугую серую каплю, спрятав лапки в брюшко, превратившись в кусок холодного камушка с синей вспышкой на крыле. Поток людей обтекал его, словно вода валун. Никто не смотрел под ноги, когда впереди горит дедлайн.

Моё сердце пропустило удар. Я стояла у окна офиса, смотрела на этот конвейер равнодушия и понимала физику момента: если через минуту он попытается взлететь сам или просто испугается собаки, которую выгуливают без поводка, лопастей электросамоката ему не миновать. Я же тоже не через крышу зашла, а вот не заметила, только теперь, подойдя к окну, чтобы погрустить о лете, и не только... Или вечером он просто примёрзнет к этому бордюру. Мои мысли перекинулись к действию.

Я бежала вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, забыв об артрите и страшных бедах, где бессильна в борьбе. И тут же чуть не врезалась в уборочную тележку. — Ой, осторожно! — передо мной стояла наша Гуля. В синем рабочем жилете, в руках пульверизатор. От неё пахло озоновой свежестью хлорки и чем-то домашним, печёным. — Куда бежишь? Пожар? — Гуля, стой, — я схватила её за рукав. Сердце всё ещё прыгало где-то в горле. — У тебя коробки из-под обуви нет? Ну, какой-нибудь небольшой, чистой? Поищи пожалуйста! Возвращалась я с комочком в сложенной ладони. Там, съжившись, сидел серый комок. — Вай, кто это? — Слёток. Сойкин ребёнок. Выпал из гнезда наверное, чтобы учиться летать, а попал

под самокаты. Гуля отступила на шаг: — Ай, брось! Нельзя трогать! Кто птицам помогает, тот свою жизнь им отдаёт. Она всё равно умрёт.

От неё пахнуло вековой верностью приметам. Горные хребты стояли сейчас за её спиной. — Что ты мне мистикой голову морочишь, — мягко, но непреклонно сказала я. — Какая смерть? Ты посмотри на него. Ему плохо. Видишь, замёрз совсем. Давай коробку. Жить захочет — выживет. Не захочет — хоть согреется напоследок. Так что давай сюда коробку. Гуля покачала головой, пробормотала что-то на своём языке и скрылась в подсобке. Через полминуты она вынесла чистую белую коробку из-под обуви. — На. Сумасшедшая женщина. Только руками сильно не жамкай. В кабинете пахло озоном от кондиционера и бумажной пылью. Я поставила коробку рядом с клавиатурой. Достала пластиковую крышку от кофейного стаканчика, плеснула воды. Сначала он не реагировал. И опять сложился в ладони. Так я одной рукой работу работала, потому что, птенчик пригрелся в другой. Нашла пару телефонов волонтеров, помощников птицам, не дозвонилась. Так прошло два часа. И веки дрогнули. Клюв приоткрылся, показав нежно-розовую глотку. Вода полилась внутрь. Он пил долго, жадно, запрокидывая голову после каждого глотка, кадычок ходил ходуном. Напившись, он вдруг встрепенулся. Крылья раскрылись — каждое пёрышко чётко прорисовано осенним светом — и начали бить по воздуху, разбрызгивая капли. Это была чистая радость омовения. Он купался в невидимой воде посреди бетонного мешка. А потом природа взяла своё. Прямо в мою сложенную лодочкой ладонь капнула тёплая, мягкая тяжесть. Зелёная кашка с белым пояском — идеальный анализ крови и пищеварения лесного жителя. Значит, внутри всё крутится правильно, значит, родители кормили его хорошо, пока он не решил сбежать навстречу приключениям.

— Ну вот и славно, — прошептала я, вытирая ладонь салфеткой, — Теперь полетели. Твоя мама сойка сидит где-нибудь вон на том краснолиственном клёне у сквера. Она знает, что ты жив, она считает твои взмахи сверху.

Я вышла на улицу. Листья во дворе уже тронута золотом и первой ржавчиной, но деревья стоят плотно, зелёные массивы смыкаются друг с другом коридорами. Для птицы нет границ между парком и двором, лесом и городом. Я разжала руки над низким ограждением палисадника. Птенчик качнулся, балансируя коротким хвостом. Взмахнул крыльями тяжело, поутинному, поймал восходящий поток тёплого воздуха от нагретой солнцем стены дома. Синее зеркальце вспыхнуло коротко и ярко. Ветер снизу подхватил его неуклюжее тельце, выровнял. Ещё пара неловких гребков — и он перевалил через провода. Там, высоко, в путанице ветвей старой берёзы, мелькнула рыжая молния. Резкий, скрипучий крик пересмешницы разорвал воздух. Ответ прилетел мгновенно — звонкий, требовательный писк. Мама, я здесь. Я учусь.

Я опустила руки. На коже остался едва уловимый запах пыли, и чего-то дикого. Кольцо на моём пальце — медь с голубой эмалью — казалось горячим, почти обжигающим после ледяного тельца птенца. Оно впитало этот утренний испуг и теперь отдавало его обратно мне ровным, спокойным жаром. Медь сохранит дневное тепло до самого заката, напоминая о хрупкости спасённой жизни, о бренности всего земного. Впереди настоящая осень, долгие ночи и заморозки, которые будут сковывать землю каменным холодом. По вечерам теперь будет всего восемь градусов. На пригреве тепло. Только этого мало.

16 сентября 2026г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.